

— Всё в порядке, всё в порядке, — Юэ Чжоу крепко обняла Гу Лянвэй, нежно поглаживая её голову.

Возможно, её утешение подействовало, ведь Гу Лянвэй постепенно успокоилась.

Услышав шум, Се Чунь подошла и, увидев разбросанные на полу капсулы, возмутилась:

— Как мои лекарства оказались здесь?!

Она поспешно подобрала оставшиеся две капсулы, сама проглотила одну и позвала Брата Хана, чтобы он принял последнюю. Она, казалось, боялась, что кто-то ещё их украдёт. Се Чунь проглотила капсулу без последствий, но Брат Хан вскоре упал на пол, схватившись за голову и стонул, как и Гу Лянвэй.

— Она приняла моё лекарство, да? — Се Чунь, взглянув на состояние Гу Лянвэй, сразу поняла.

— У твоего лекарства есть побочные эффекты? — с тревогой спросила Юэ Чжоу.

— Какие побочные эффекты! — Се Чунь возмутилась. — Это лекарство специальное, оно усиливает человеческие чувства. Она украла моё лекарство, а теперь я виновата?

— Тогда, тогда она... — Юэ Чжоу продолжала беспокоиться.

— Она впервые принимает это лекарство, и ей трудно справиться с усилением чувств. Это нормально. У меня тоже так было, скоро пройдёт, — Се Чунь пожала плечами, совершенно не беспокоясь о состоянии Гу Лянвэй.

Как будто подтверждая её слова, Гу Лянвэй медленно подняла голову из объятий Юэ Чжоу. Её выражение лица уже было спокойным, хотя зрачки оставались неестественно расширенными. Но вместе с этим пришло усиленное восприятие. Гу Лянвэй ясно чувствовала, что видит более чётко, слышит более ясно, и даже усталость исчезла. Даже пулевое ранение на плече онемело. В таком состоянии она, возможно, даже сможет сразиться с Златошёрстным Хоу! Теперь понятно, почему Се Чунь всегда принимала капсулу в критических ситуациях!

— Как ощущения? Отлично, да? — Се Чунь, несмотря на близость смерти, попыталась пошутить.

Гу Лянвэй спокойно посмотрела на Се Чунь, затем на тревожную Юэ Чжоу и сказала ей:

— Со мной всё в порядке, не волнуйся.

Убедившись, что Гу Лянвэй действительно в порядке, Юэ Чжоу немного успокоилась.

— Возможно, у нас ещё есть путь к спасению, — Гу Лянвэй встала и заявила.

Её боль притупилась, и ей больше не нужна была помощь. Рука Юэ Чжоу, которую она протянула, осталась висеть в воздухе, и она смущённо убрала её.

Услышав это, остальные обрели надежду и подошли ближе, чтобы послушать Гу Лянвэй. Та повернулась к Юэ Чжоу и спросила:

— Ты помнишь тот потайной ход, в который мы упали?

Юэ Чжоу, конечно, помнила. Она кивнула:

— Ты имеешь в виду путь к спасению?

Гу Лянвэй продолжила:

— За стеной того потайного хода, вероятно, есть что-то ещё. Если подземная планировка такая же, как и наверху, то здесь тоже должен быть потайной ход.

Эта мысль пришла ей в голову, когда она страдала от боли. Приняв лекарство Се Чунь, её чувства обострились, и она стала мыслить более ясно. Воспоминания о Гробнице Инь всплывали в её сознании, и она замечала детали, которые раньше упускала.

Юэ Чжоу озарило понимание. Она указала на пустую стену:

— Если здесь действительно есть другая погребальная камера, то она должна быть за этой стеной!

Она указала на пустую фреску за их спинами.

— Точно! — Гу Лянвэй сразу согласилась. — Вознесение на небеса означает обретение бессмертия. Потайной ход за этой стеной — это путь к спасению, оставленный для Аньци Шэна, чтобы он мог вознестись к небесам!

Слова Гу Лянвэй звучали слишком мистически. Может ли человек действительно вознестись на небеса и летать по облакам? Но факт воскрешения Аньци Шэна был перед их глазами. Независимо от того, была ли это трансформация трупа или настоящее бессмертие, все, конечно, хотели найти путь к спасению. Брат Хан, уже пришедший в себя, подошёл к пустой стене и выстрелил в неё два раза. Однако пули не оставили следов, лишь слегка отскочили от поверхности, не причинив вреда.

Сюй Гуанчуань, стоявший рядом, объяснил:

— Древние погребальные стены обычно состоят из нескольких слоёв. Чаще всего это стены из утрамбованной земли, смешанной с мочой мальчиков и водой из клейкого риса. Такие стены очень прочные, и даже лопатой можно оставить лишь небольшой след. Это создавало проблемы для грабителей, но позже они обнаружили, что такие стены боятся уксуса. Достаточно полить их уксусом, и стена становится уязвимой, как и ваши разъедающие спреи для каменных дверей.

Слова Сюй Гуанчуаня напомнили Се Чунь о спрее. Она сразу сказала:

— Достаньте спрей.

Брат Хан поспешно достал последний флакон, в котором осталось совсем немного жидкости, достаточно лишь для того, чтобы разьесть поверхностный слой камня.

Несколько человек обсудили и предположили, что путь к спасению находится за пустой фреской, на высоте полуметра от пола, за дверью небесного дворца. Однако спрея хватит только на то, чтобы разьесть поверхностный слой, а за ним неизвестно, насколько толстая стена...

Се Чунь подумала и сказала:

— Давайте сначала разъедем поверхность.

Затем она посмотрела на Гу Лянвэй, ожидая её мнения.

— Я сделаю это, — Гу Лянвэй, взглянув на остальных, сразу согласилась.

Она достала из аптечки бинты и начала обматывать ими руку, явно собираясь применить силу. Видя такую безрассудность, Юэ Чжоу схватила её кулак:

— Это слишком опасно! Спрей такой едкий, ты можешь повредить руку!

— Я уверена, Юэ Чжоу. Ты знаешь, как быстро я бью, — спокойно сказала Гу Лянвэй.

— Даже если ты уверена, нельзя так рисковать! — Юэ Чжоу, впервые проявив упрямство, крепко держала забинтованный кулак Гу Лянвэй.

Она действительно переживала. Такой талантливый человек, как Гу Лянвэй, потеряв руку, был бы огромной потерей!

Гу Лянвэй на мгновение замолчала, спокойно глядя на Юэ Чжоу. Приняв лекарство, она видела каждую деталь на лице Юэ Чжоу, даже дрожание ресниц. Но даже без лекарства она всегда чувствовала эмоции Юэ Чжоу. Юэ Чжоу... не была мастером скрывать свои чувства. Или, скорее, её чувства к Гу Лянвэй невозможно было скрыть.

Если влечение к внешности — это человеческая природа, то неконтролируемые чувства — тоже.

Особенно для Гу Лянвэй, которая была очень чувствительна к взглядам и эмоциям других. Даже не обращая внимания, она чувствовала, как взгляд Юэ Чжоу всегда следует за ней, как камера всегда направлена на неё.

С первой встречи Гу Лянвэй ощущала сильную симпатию Юэ Чжоу к ней. С течением времени эти чувства только усиливались, но Гу Лянвэй не обращала на это внимания. Иногда игнорирование... само по себе было поощрением. Гу Лянвэй перевела взгляд на остальных за спиной Юэ Чжоу. Её взгляд на мгновение задержался на Сюй Гуанчуане с его неясным выражением и на слегка раздражённой Се Чунь. Она знала, что больше не может поощрять Юэ Чжоу.

— Юэ Чжоу, не волнуйся за меня, — сказала Гу Лянвэй.

— Что? — Юэ Чжоу опешила.

Как это возможно? Она не могла контролировать свои чувства! Юэ Чжоу подумала, что слова Гу Лянвэй звучат абсурдно.

Но в следующую секунду Гу Лянвэй сделала шаг вперёд и приблизилась к Юэ Чжоу. Она нежно взяла лицо Юэ Чжоу в руку, которую та не держала, и прижала лоб ко лбу Юэ Чжоу, глубоко глядя в её глаза.

Юэ Чжоу чуть не утонула в этих чёрных зрачках.

На мгновение ей показалось, что Гу Лянвэй точно знает о её чувствах.

Но Гу Лянвэй, находясь в такой нежной, близкой позе, глядя прямо в глаза Юэ Чжоу, медленно произнесла:

— Не волнуйся за меня, Юэ Чжоу.

Юэ Чжоу действительно не понимала, что Гу Лянвэй имела в виду.

Но Гу Лянвэй не дала ей времени на размышления. Она серьёзно сказала:

— Юэ Чжоу, помнишь, что ты мне обещала?

Что она обещала Гу Лянвэй?

Ах, да.

Юэ Чжоу вспомнила.

Когда они разгадывали детскую загадку, Гу Лянвэй сказала ей:

— Юэ Чжоу, пообещай мне, что если я умру, ты не пойдёшь в дом Гу.

Теперь Гу Лянвэй просила её не волноваться за неё.

Гу Лянвэй не утешала Юэ Чжоу, не просила её не беспокоиться. Она отказывалась от её заботы, мягко, но так, что только Юэ Чжоу могла понять.

Как в главной погребальной камере, когда она спросила:

— Как тебе Ло Цин?

<http://bllate.org/book/16246/1461442>